

мас. 1046₂

Литературные заметки.

А. П. Чехов: «Убийство», рассказ («Русская Мысль», № 11).

I.

Произведения г. Чехова последнего времени имѣютъ, какъ доказалъ опытъ, странное свойство: они вызываютъ толки и разговоры до своего появленія въ печати, мало заставляя о себѣ говорить послѣ него. Мнѣ самому приходилось нѣсколько разъ быть свидѣтелемъ подобныхъ разговоровъ.

— Вы читали? Анонсъ «Русской Мысли» возвѣщаетъ, что на страницахъ этого журнала появятся новыя произведенія Чехова. Не знаю, какъ для васъ, а для меня всякое произведение Чехова—крупное явленіе. Правда, они не всегда оправдываютъ возлагавшіяся на нихъ надежды, но... вѣдь надо же принять во вниманіе, что Чеховъ еще весь въ будущемъ. Погодите... увидите сами...

— Чеховъ? Вы говорите о Чеховѣ? Таинственный писатель. Я всегда съ удовольствіемъ прочитываю его произведенія. Но знаете... въ нихъ какъ-будто чего-то недостаетъ... Сказать вамъ что, не могу, но чувствую, что недостаетъ чего-то. Вы помните чудное стихотвореніе Гейне, въ которомъ изображаются грезы поэта, навѣянные видѣніемъ Тюльерскаго дворца, спустя много лѣтъ послѣ страшной трагедіи 1793 года? И король, и королева, и придворныя дамы въ воображеніи поэта по-прежнему наполняютъ обширныя залы историческаго зданія. Безчисленное множество фрейлинь по-прежнему стережетъ пробужденіе Маріи-Антуанетты, а когда дочь Маріи Терезіи просыпается, одна за другой исполняютъ свои обязанности надъ туалетомъ королевы, ни на йоту не отступая отъ строгихъ правилъ этикета. Словомъ, — все по-прежнему. Одного только нѣтъ у дамъ и кавалеровъ Тюльери—головъ, которыя когда-то были сняты гильотиною. Въ произведеніяхъ Чехова все также обстоитъ какъ слѣдуетъ, но въ то-же время и въ нихъ чего-то нѣтъ. Правда, герои его съ головами и живутъ, и дѣйствуютъ вовсе не въ воображеніи поэта, а въ дѣйствительной жизни: по... есть какое-то «но», которое всегда сопровождаетъ васъ при чтеніи его рассказовъ. Впрочемъ, я говорю это вовсе не въ упрекъ Чехову. Онъ еще молодой писатель. Впереди у него еще цѣлое будущее...

Все это бѣглые разговоры, но смыслъ ихъ всегда одинъ и тотъ-же: г. Чеховъ—въ будущемъ. Какъ ни тепло тому, кто вѣруетъ, но, право, ждать приходится уже слиш-

комъ долго. Вспомните, что русское читающее общество давно уже возлагаетъ надежды на г. Чехова. Хорошо, конечно, быть молодымъ и притомъ подающимъ большія надежды, но молодость имѣетъ свои предѣлы. Еще нѣсколько лѣтъ теплой вѣры, — и передъ нами можетъ оказаться пожелтой господиной, случайно затесавшейся въ категорию юношей, или — что еще хуже — молодящейся старикъ, скрывающей подъ парикомъ свою плѣшь и наденги приобретающей свои прекрасные зубы. Знаете-ли, что такое Wunderkind? Русскій языкъ, столь богатый во многихъ отношеніяхъ, не имѣетъ подходящаго слова для выраженія мысли, воплощенной въ этомъ словѣ. Это какъ будто можетъ свидѣтельствовать, что въ Россіи нѣтъ и не было еще Wunderkind'овъ. Но дѣйствительность свидѣтельствуетъ какъ разъ о противоположномъ. У насъ много, даже можетъ быть слишкомъ уже много дѣтей, подающихъ надежды еще съ очень ранняго возраста. Исторія литературы и изящныхъ искусствъ свидѣтельствуетъ, что отечество наше знало много свѣжихъ молодыхъ силъ, которыми прочили великую будущность въ то время, когда онѣ, эти силы, врядъ-ли еще имѣли правильное понятіе о своемъ настоящемъ. Правда, исторія сохранила о нихъ только слабое воспоминаніе, такъ какъ надежды, современниковъ реализовались въ болѣе или менѣе счастливый случай, ошибочный, но это все-таки не мѣшало молодымъ силамъ считаться многообещающими дѣлами, свѣтлыми и радужными, какъ первые лучи солнца, обещавшіе скорое утро, а затемъ и яркій полдень. Еще недавно въ нашу поэзію ворвалась пылая струя молодой жизни. Сколько надеждъ возлагалось на Надсона! Какое будущее обѣщали г. Фанову! Какъ-бы въ предвкушеніи будущаго тепла и свѣта, молодые силы новѣйшей русской поэзіи посылали намъ одинъ за другимъ свои блѣдныя утѣшенія лучи, полныя надежды, любви и восторга. Возшло-ли когда-либо ихъ солнце? Увы, темныя тучи скоро нахлынули на прекрасное небо новѣйшей русской поэзіи, уничтоживъ на нашихъ глазахъ и слабое мерцаніе молодыхъ талантовъ, и надежды, которыя возлагали на нихъ русское общество. Г. Чеховъ принадлежалъ къ разряду этихъ молодыхъ талантовъ. Какъ и они, онъ подавалъ большія надежды еще въ очень раннемъ возрастѣ. Это была бытъ своего рода Wunderkind, произведение котораго отличалось тѣмъ-же достоинствомъ, которыми отличаются тѣмъ-же достоинствомъ произведенія всякихъ многообещающихъ подростковъ: они были слишкомъ слабы для

3

того, чтобы составить славу известному писателю, и слишком выдающийся для того, чтобы не обратить внимания на талантливого юношу. Но время шло своим чередом. Wunderkind рос одновременно с количеством своих произведений, а талант его, между тем, продолжал оставаться на том же уровне, на котором он находился во время оно. Стали невольно рождаться вопросы, стали раздаваться голоса: «Да полно, имеем-ли мы действительно дело с талантом?» Дошло до того, что, вместо прежнего поклонения, в некоторых углах современной журналистики начали слышаться довольно явственно свистки по адресу запоздавшего молодого таланта. Большинство, впрочем, читающей публики оставалось в стороне, терпеливо ожидая развязки загадки. Ждет оно его и теперь. И вот перед нами новый рассказ г. Чехова. Удовлетворили ли он хотя сколько-нибудь ожидания читающего мира?

II.

Тереховы всегда отличались религиозностью, так что им даже дали прозвище—Богомолы. Но быть может оттого, что они жили особняком, как медведя, избегали людей и до всего доходили своим умом, они были склонны к мечтаньям и к колебаниям в веру, и почти каждое поколение вверовало как-нибудь особенно. Матвей с самого детства боролся с мечтаньями и едва не погиб; брат его Яков Иванович был православным, но после смерти жены вдруг перестал ходить в церковь и молился дома. На него глядя, совратилась и сестра Аглая: сама не ходила в церковь и Дашутку не пускала.

Яков Иванович был старше Матвея на десять лет. Это был очень красивый старик, высокого роста, с седой бородой почти до пояса и с густыми бровями, придававшими лицу суровое, даже злое выражение. В церковь он не ходил потому, что, по его мнению, в церкви не точно исполняли устав, и потому, что священники пили вино в непоказанное время и курили табак. Дома, у себя, он каждый день читал и пил вместе с Аглаей. Делал это не для того, чтобы получить от Бога как-либо блага, а для порядка. Нужно жить, а значить, и молиться так, как угодно Богу, и поэтому каждый день следует читать и пить только то, что угодно Богу, т. е., что полагается по уставу.

Брат Матвей, приехавший неожиданно из завода и поселившийся в трактир

4

Якова Ивановича, как дома, с первых же дней стал нарушать порядок. Он не хотел молиться вместе, пил и пил чай не во время, поздно вставал, в среды и пятницы пил молоко, будто бы по слабости здоровья; почти каждый день во время молитвы он входил в моленную и кричал: «Образумьтесь, братец! Покайтесь, братец!» От этих слов Якова Ивановича, бросало в жар, а Аглая, не выдержав, начинала браниться. Или ночью, подкравшись, Матвей входил в моленную и говорил тихо: «Братец, ваша молитва не угодна Богу, потому что сказано: прежде смиришь с братом твоим и тогда, пришед, принеси дар свой. Вы же деньги в рост даете, водочкой торгуете. Покайтесь!» Или же он учил, что надо жить обыкновенно, как все.

Все это казалось Якову пустяками. В словах Матвея он видел лишь обычную отговорку пустых и нерадивых людей, которые говорят о любви к ближнему для того только, чтобы не молиться, не постить и не читать святых книг и которые презрительно отзываются о набожных и верующих только потому, что не любят работать. Выходя браниться, что не конит горлозо жечь, так быть богатыми. Если неслучится и читать брат с проказом, зачем и встать рано в убыток, то уж это будет не терпя, а беспорядок и глупость. А уж Матвей о том, что надо жить обыкновенно, как все, он не понимал вовсе.

А все же он был взволнован, раздражен и уже не мог молиться, как прежде. Едва он входил в моленную и раскрывал служебную книгу, как уже начинал бояться, что вот-вот войдет брат и помешает ему; и в самом деле Матвей появлялся скоро и кричал дрожащим голосом: «Образумьтесь, братец! Покайтесь, братец!» Сестра бранилась, и Яков тоже выходил из себя, ненавидя брата и кричал: «Помежь вон из моего дома!» А тот ему: «Этого дома наш общий».

Начинал Яков снова читать и пить, но уже не мог успокоиться и, сам того не замечая, вдруг задумывался над книгой; хотя слова брата он считал пустяками, но почему-то и ему в последние время тоже стало приходить на память, что богатому трудно войти в царство небесное, что в третьем году он купил очень выгодно краденую лошадь, что еще при покойнице-жене однажды какой-то пьяница умер у него в трактире от водки. По ночам он теперь спал

не хорошо, чутко, и ему слышно было, как Матвей тоже не спал и все вздыхал, скучая по своему заводу. И Якову ночью, когда он ворочался с боку на бок, вспоминались и краденая лошадь, и пьяница, и евангельские слова о верблюдах.

III.

Давно уже была пора начинать вечернюю. Яков Иванович позвал Аглаю и, думая, что в дом нет никого, зашел без стеснения, громко. Он пил и читал, но мысленно произносил другие слова: «Господи, прости! Господи, спаси!» — и один за другим, не переставая, клал земные поклоны, точно желая утомить себя, так что Аглая смотрела на него с удивлением. Он боялся, что войдет Матвей, и был уверен, что он войдет, и чувствовать против него злобу, которой не мог одолеть им молитвой, им частыми поклонами. Он во всем обвинял теперь только одного Матвея, но ему казалось, что брат смущал его не словами, а тем, что, идя к нему молиться, нарушал благочестие и, таким образом, делал его молитву негодной Богу.

Матвей тихо-тихо отворил дверь и вошел в моленную.

— Брат, какой брат! — сказал он угрозительно и злобно. — Покайтесь! Образумьтесь, братец!

Яков Иванович, сказав кулаки, не глядя на него, чтобы не ударить, быстро вышел из моленной. Чувствуя себя громадным, страшным истреб, он прошел через сани в сени, грязную, пропитанную туманом и дыном полвину, где обыкновенно пили чай, и тут долго ходил из угла в угол, тяжело ступая, так что звенела посуда на полках и шатались стены. Ему же было ясно, что сам он недоволен своим верою и уже не может молиться по-прежнему. Мало было казаться, образумиться, жить и молиться как-то иначе. А может быть, все это только спущает пыль и ничего этого не нужно. Как быть? Что думать? Кто может научить? Каким безразличием был оставлен в замешке за голову, стал думать, но то, что близко находился Матвей, мешало ему покойно соображать. И он быстро вошел в комнату, чтобы выгнать брата из дому.

Матвей сидел в кухне перед чайником с картофелем в тарелке. Тут же около печки сидел друг детства Аглая и Дашутка в ялане, и между ними и стоял, за которым сидел Матвей, бы-

6

ла протянута гладильная доска; на ней стоял холодный утюг.

— Сестрица, — попросил Матвей, — позвольте мне масла!

— Кто же в такой день масло есть? — спросила Аглая.

— Я, сестрица, не монахъ, а мирянинъ. А по слабости здоровья мне не то, что масло, даже молоко можно.

— Да, у васъ на заводе все можно.

Аглая достала съ полки бутылку съ постнымъ масломъ и поставила ее передъ Матвеемъ, сердито стукнувъ съ злорадною улыбкою, очевидно довольная, что онъ такой грѣшникъ.

— А я тебѣ говорю, ты не можешь есть масла! — крикнулъ Яковъ.

Аглая и Дашутка вздрогнули, а Матвей точно не слышалъ, налилъ себѣ масла въ чашку и продолжать есть.

— А я тебѣ говорю, ты не можешь есть масла! — крикнулъ Яковъ еще громче, покраснѣвъ весь и вдругъ схватилъ чашку, поднявъ ее выше головы и изо всей силы ударилъ о-земь, такъ-что полетѣли черепки.

— Не смѣй говорить! — крикнулъ онъ неистовымъ голосомъ, хотя Матвей не сказалъ ни слова. — Не смѣй! — повторилъ онъ и ударилъ кулакомъ по столу.

Матвей поблѣднѣлъ и всталъ.

— Братецъ! — сказалъ онъ, продолжая жевать. — Братецъ, опомнитесь!

— Вонъ изъ моего дома сію-же минуту! — крикнулъ Яковъ: ему были противны и его морщинистое лицо, и голосъ, и крошки на усахъ, и то, что онъ жуеъ. — Вонъ, тебѣ говорятъ!

— Братецъ, уймитесь! Васъ обуяла гордость бѣсовская!

— Молчи! (Яковъ застучалъ погами). Уходи, дьяволъ!

— Вы, ежели желаете знать, — продолжалъ Матвей громко, тоже начиная сердиться, — вы богоотступникъ и еретикъ! Бѣды оканниные заслонили отъ васъ истинный свѣтъ, ваша молитва не угодна Богу! Покайтесь, пока не поздно! Смерть грѣшника люта! Покайтесь, братецъ!

Яковъ взялъ его за плечи и потащилъ изъ-за стола, а онъ еще больше поблѣднѣлъ и, испугавшись, смутившись, забормоталъ: «Что-жъ оно такое? Что-жъ оно такое?» И, упираясь, дѣлая усилія, чтобы высвободиться изъ рукъ Якова, нечаянно ухватился за его рубаху около шеи и порвалъ воротникъ, а Аглая показала, что это онъ хочетъ бить Якова, она вскрикнула, схватила бутылку съ постнымъ масломъ и изо всей силы ударила ею ненавистнаго брата прямо по темени. Матвей

7

пошатнулся, и лицо его въ одно мгновение стало спокойнымъ, равнодушнымъ, тяжело дыша, возбужденный и получивъ удовольствіе оттого, что ударившись о голову, крикнулъ, живая, не давалъ ему упасть и только ко разъ (это онъ номнилъ очевидно) указавъ Аглаѣ пальцемъ на то, и только когда ползая по его крови я послышался громкій плачь Дашутки, и когда съ шумомъ ла гладильная доска, и на нее валился Матвей. Яковъ пересталъ ствовать злобу и понялъ, что пр

— Пусть издыхаетъ, заводскіе бѣеъ! — съ отвращеніемъ проговорила, не выпуская изъ рукъ утѣлый, забрызганный кровью снопъ у нея на-плечи, и сдѣла распустились. — Туда ему и дорога.

IV.

Разумеется, Якова сослали на вѣсть съ Аглаей и Дашуткою. Разумеется, тамъ, на Сахалинѣ, поживъ въ тюрьмѣ съ людьми, пригнанными изъ разныхъ концовъ — съ русскими, японцами, татарами, грузинами, китайцами, цыганами и сарацинами, — онъ сталъ возносіться къ Богу. Разумеется, прислушавшись къ ихъ разговорамъ, глядя на ихъ страданія, онъ чувствовалъ, что «узналъ», какую стоящую игру, которой такъ долго искалъ и не находилъ его родъ, начиная съ бабы Авдоты, вонъ, съ героемъ разказа г. Чехова, вторилась та-же самая метафорическая, которой такъ часто говорили въ произведеніяхъ Толстой и Достоевскаго. Прибавилъ-ли что нибудь къ связаннымъ г. Чеховъ? Съумѣлъ-ли онъ, по ней итѣ, подняться на высоту ихъ философскаго кругозора и увлечь чуждымъ безъискусственнымъ паюсомъ убій подогрѣтаго полетомъ художническаго тазіи? Прошло уже нѣсколько недѣль появления его разказа, а отзывы о немъ не слышно. Умолчаніе же и случайные разговоры, которые начались было недавно. Все это, впрочемъ, нисколько не говоритъ противъ Чехова. Русская читающая публика необычайно терпѣлива въ, конечно, ждать по-прежнему настоящаго сааго молодого писателя. Вопросъ только, перестанетъ-ли, наконецъ, г. Чеховъ молчать, и скажетъ-ли онъ когда-то это слово? М. Полтавскій

«М.И. Аудинский»